

романистка получила престижную премию американского ж. «Atlantic monthly». В 1952 в нью-йоркском изд-ве им. Чехова вышел авторизованный русский перевод романа. С этого момента началась эмигрантская слава Ф. По мнению В. Емельянова, «место, которое она („Семья“.— Е. Р.) заняла, до нее не было занято никакой другой книгой» (Опыты. 1953. № 2. С. 196).

Лейтмотивом этого романа Ф. является разрушение семьи — высшей ценности в худож. системе писательницы. Ее роман — это итог «мысли семейной» XIX столетия и в то же время переосмысление ее в рамках лит. традиции Русского зарубежья. «Семья» — один из самых трагических текстов обеих волн эмиграции, пространная, изобилующая деталями летопись «вселенского распада». Но свидетельством этого распада у Ф. являются не войны и революции, а разрушение одной-единственной русской семьи, которое для писательницы страшнее происходящих за пределами семейного круга катаклизмов.

Тексты Ф. находятся в русле романной традиции XIX в., но и в «Семье», и в др. произведениях писательницы запечатлена гибель ценностей системы «золотого» XIX в. в «железном» XX. В 1958, во Франкфурте-на-Майне (изд-во «Посев») вышла повесть Ф. «Дети», продолжающая тему «Семьи». В 1964–66 в Вашингтоне увидел свет 3-томный роман-эпопея Ф. под названием «Жизнь». Этот роман представляет собой худож. анализ ценностной и мировоззренческой систем социалистических кружков и объединений. «В романе Нины Федоровой (имеется в виду „Жизнь“.— Е. Р.),— утверждал Я. Горбов,— в особенности в третьей его, заключительной части главные движущие побуждения социалистов и революционеров в некотором смысле оголены, выявлены в ряде выпуклых и порой страшных зарисовок» (Возрождение. 1967. № 182. С. 150).

Ф.— автор многочисленных рассказов и эссе, посвященных английской лит-ре. Писательница публиковалась в органах печати «первой» и «второй» волн эмиграции: «Новоселье», «Возрождению», «Новом ж.», «Границах».

Ф. провела последние годы своей жизни в Сан-Франциско и умерла в 1985 в Окленде (США). Ее роман «Семья» был переведен на 12 яз. и получил всемирную известность. Только в США он выдержал более 17 изд. В России «Семья» была опубликована в 1989 в «Роман-газ. для юношества», а затем в 1994 вышла отд. изд. в Санкт-Петербурге изд-ве «Logos».

Соч.: Семья. Нью-Йорк, 1952; Семья. СПб., 1994; Дети. Мюнхен, 1958; Жизнь: в 3 т. Вашингтон, 1964–66.

Лит.: Малоземова Е. Литературный путь Нины Федоровой // Русская женщина в эмиграции. Вашингтон, 1990; Зубарева В. Добрый талант // Новые русские записки. 1992. 26 июня.

Е. Ю. Раскина

ФЕДОРЧЕНКО София Захаровна [19.9 (1.10).1880, Петербург — 12.7.1959, Москва] — прозаик.

Ф. родилась в семье актрисы. Ее мать — французская цыганка — часто гастролирует и живет в Париже, приезжая в Россию два раза в год. Девочка воспитывается в бедной крестьянской семье, ее раннее детство прошло в с. Кохмы Шуйского у. Владимирской губ. Деревня эта, по словам Ф., в то время «еще была полна сказок, преданий, старинных песен», поэтому русский фольклор и крестьянская среда являлись главными факторами формирования будущих интересов писательницы. С 7 до 12 лет Ф. живет в Париже, воспитывается в семье своего отчима, инженера-технолога З. А. Гонимондского. Вместе с отчимом много путешествует по России, интересуется народной культурой, этнографией, фольклором. После окончания гимназии поступает на юридический ф-т Киевского ун-та, но курс не закончила. В 1914, во время Первой мировой войны, уходит на фронт сестрой милосердия, возвращается с фронта в 1916, но еще долгое время работает по оказанию помощи населению, пострадавшему в обстановке войны (сначала Первой мировой, потом Гражданской). Работает на Украине, в Новороссии, на Северном Кавказе, в Крыму.

В 1917 в Киеве выходит первая часть знаменитой книги Ф. «Народ на войне» с подзаголовком «Фронтовые записи». Немного раньше фрагменты этой книги были опубликованы в петроградском ж. «Северные записки» (1917. № 1) и московском ж. «Народоправство» (1917. № 9–13). Книга Ф. представляет собой систематизированные по разным социально-бытовым проблемам (о жизни, о войне и мире, о врагах и т. д.) разговоры и рассказы солдат в форме коротких, емких, лаконичных записей. Этот материал дополнялся песнями, частушками, заговорами и другими текстами фольклорного характера. Современников поражал язык книги Ф.— колоритный, живой, образный, полный многообразных живописных и звуковых оттенков. В первой половине 1920-х «Народ на войне» (ч. I) переиздавался несколько раз.

С. З. Федорченко

Книга Ф. пользуется огромным успехом в профессиональной лит. среде, обсуждается в печати и лит. собраниях Москвы и Петрограда. Рецензенты отмечают ее правдивость, искренность, восхищаются умением автора воссоздать оригинальный русский характер. Известный в то время журналист И. Василевский (Не-Буква) утверждал, что «ни историк, ни социолог, ни беллетрист, ни политик не имеют права не знать этой книги» (Накануне. 1923. 17 июня). Обратил внимание на книгу неизвестного ему автора и А. Блок, который записал в дневнике 7 марта 1921: «Интересны записи „солдатских бесед“, подслушанный каким-то Федорченко... это — самое интересное» (СС: в 8 т. М.; Л., 1962. Т. 6. С. 19). С большой статьей о книге Ф. выступил А. Воронский, который назвал ее «разительным художественным документом эпохи» и подметил стремление автора показать «стихийный большевизм, зарождающийся в недрах царской армии» (Правда. 1922. 20 окт.). Высокую оценку работе Ф. дают многие писатели — М. Горький, М. Волошин, В. Вересаев, Л. Леонов, В. Лидин, Н. Асеев и др.

В 1922 Ф. переезжает из Крыма в Москву, занимается профессиональной лит. работой; выступает на заседаниях различных лит. объединений с чтением новых глав своей книги «Народ на войне». В квартире на Пречистенке (вместе с мужем Н. П. Ракицим Ф. живет здесь в подвальном помещении музея Л. Толстого) организует кружок любителей цыганского пения, который посещают

артисты МХАТа — В. Качалов, И. Москвин, О. Книппер и др., а также писатели — М. Булгаков, К. Тренев и др. С 1923 по 1930 регулярно ходит на заседания «Никитинских субботников», публикует многочисленные произведения для самых маленьких читателей, является организатором и первым председателем сектора детской лит-ры СП. В 1920-е Ф. опубликовано много книжек для детей (около 100), посвященных в основном животным: «Зоологический сад. Звери диковинные» (1927), «Звери хищные, шкуры пышные», «Птицы мокрые и сухие, хорошие и плохие» (обе — 1928), «Живет, растет и движется» (1929), «Помните, помните, не сидите в комнате» (1930) и мн. др. Ф. ведет обширную переписку с М. Волошиным, организует в Москве «Волошинское землячество», объединявшее людей, связанных с «коктебельским затворником». 1 марта 1926 Ф. организует лит.-музыкальный вечер в помещении ГАХНа «с благотворительной целью для помощи Волошину», как было указано в программе.

В 1925 выходит в свет 2-й том книги «Народ на войне», названный автором «Революция», он был посвящен «керенщине» — времени между Февральской и Октябрьской революциями. В записях появляются главы: «О царе, Распутине», «Как приняли революцию», «Кончай войну» и др., усиливается политический момент. Ф. уже работает над 3-м томом — о войне Гражданской, читает отрывки писателям. После одного такого чтения (17 дек. 1925) Л. Леонов в письме Максимилиану Волошину замечает: «Очень любопытно, и если бы не перегрузка кое-где на кровь и т. п., то, пожалуй, не хуже ее первой книги» (Из творческого наследия русских писателей XX века. СПб., 1995. С. 496). Однако замеченная Леоновым «перегрузка на кровь» («На то и кровь в человеке, чтоб за дело лить, а не жирок растить»; «В лихую ночь кровь страшная. А может, мы через кровь свет казать собирались») обнаруживалась в общем корпусе книги (в то время повествование целиком еще не было опубликовано) лишь в нескольких местах, не изменяя гуманистической позиции автора.

В 1928 вокруг книги Ф. «Народ на войне» разразился скандал. Он касался степени документальности приведенных писателем записей. В предисловии к первому изд. (1917) Ф. утверждала, что «была все время среди солдат, записывала просто, не стесняясь, часто за работой и во всякую свободную минуту». Книга была воспринята как сугубо

документальное произведение; записи солдатских разговоров предстали как «прямая речь», как документ эпохи. Это давало право некоторым рецензентам и писателям использовать реальный материал книги «Народ на войне» в своей уже собственной работе. Так, к примеру, А. Толстой цитировал некоторые части книги Ф. (без ссылок) в своем романе «Восемнадцатый год» (см. об этом: Народ на войне: кн. 3 / вступ. статья Н. А. Трифонова // ЛН. Т. 93. С. 13). Протестуя против подобного отношения к своей книге, Ф. в полемическом задоре заявила в интервью: «Я записей не делала... Писать тут же на войне мне и в голову не приходило. Я не была ни этнографом, ни стенографисткой» (Вечерняя Москва. 1927. 24 окт.). Не объясненное Ф. противоречие между первой версией и последующей дало повод выступить Д. Бедному с разгромной статьей «Мистификаторы и фальсификаторы — не литераторы. О Софье Федорченко» (Известия. 1928. 19 февр.). Автор статьи обвинял Ф. в том, что в книге совершен «поклеп на народ», что опубликованные Ф. тексты принадлежат «истории жульничества, мошеннических подделок». Однако ее метод работы все же был основан на использовании отдельных записей слов, деталей. Об этом свидетельствуют записные книжки. Эти записи соединялись с собственными впечатлениями писательницы, затем шел переплав разных материалов при обрисовке тех или иных персонажей книги. Несмотря на защиту М. Горького, поддержку К. Чуковского и «попутчиков», Ф. тяжело переживала нанесенную обиду. В автобиографии она вспоминает: «Я серьезно заболела и, даже вернувшись к работе, „на людях“ почти не показывалась. Сперва, по инерции, меня печатали, потом перестали и вспоминать. А некоторые товарищи по профессии, прежде незаслуженно называвшие меня „классиком“, так же незаслуженно стали называть „бракоделом“» (ЛН. Т. 93. С. 159). Книга «Народ на войне» на долгие годы была забыта и не переиздавалась.

С 1934 по 1940 Ф. начинает собирать материал для задуманного романа на историческую тему. Роман имел первоначальное название «**Конец столетия**» и затрагивал времена Пугачевского бунта, народные войны конца XVIII в. Первая книга трилогии появилась в ж. «Красная новь» (1942), ее отд. изд. вышло в 1956 под названием «**Детство Семигорова**». Во время Отечественной войны Ф. остается в Москве, пишет поэму народно-героического содержания «**Илья Му-**

ромец и миллион богатырей», сценарии, пьесы, солдатские сказки агитационного характера.

После войны выходит в свет 2-я часть трилогии — «**Отрочество Семигорова**» (1957) и 3-я — «**Юность Семигорова**» (1960). После смерти писательницы появляется отд. изд. трилогии под названием «**Павел Семигоров. Детство. Отрочество. Юность**» (1963).

Роман был посвящен «славной памяти декабристов», и его героями были люди, которых по праву можно было назвать «отцами декабристов». Ф. интересовали истоки декабристского мировоззрения, которое, по ее мнению, зарождалось в эпоху народных войн, когда дворянство осознало свой долг перед народом. Повествование в романе ведется от имени юного князя Павла Семигорова, который волею судьбы попадает в эпицентр восставших крестьян и медленно, интуитивно начинает понимать их правоту. Ф. определила жанр своего романа как «полуроман», «полусказка», ибо он полон фольклорных ассоциаций — от сказочной фантастики до поговорки и заговора. Образ народа, возникающий в романе, был наделен героическими, былинными чертами и имел оттенок идеализации.

В 1983 в «Лит. наследстве» (Т. 93) опубликована полностью 3-я часть книги «Народ на войне» — «**Гражданская война**». В ней появляются новые разделы — «**Будущее. Стройка**», «**Мечты**», «**Дружба**», «**Танцы**», «**Женщины**», «**Ленин**», «**Москва**» и др. Народ имеет в этой книге достаточно сложные свойства, связанные и с грубостью, жестокостью, темнотой и вместе с тем с человечностью, тягой к свету и просвещению, надеждой, так никогда и не реализованной, на лучшую жизнь. При чтении книги Ф. становятся более зримыми такие черты русского характера, как доверчивость, наивность, детскость, мечтательность и импульсивность. Худож. поиски Ф. соотносимы с исканиями всей лит-ры 1920-х, которая пыталась найти новые средства для изображения народной массы, понять ее изнутри, разговоривать ее языком (Вс. Иванов, Л. Сейфуллина, А. Неверов, А. Веселый и др.). Несмотря на то что Ф. создано много произведений, имеющих свою историко-лит. ценность, ее главной книгой оставался монументальный труд «Народ на войне», о котором точно сказал К. Чуковский: «Если ваши книги умрут как документы, они останутся жить как мастерское произведение искусства».

Соч.: Народ на войне. Фронтовые записи. Киев, 1917; Народ на войне. Т. 2. Революция. М., 1925; Павел Семигоров; Трилогия. М., 1963; Из автобиографии. Народ на войне. Гражданская война // ЛН. Т. 93; Из истории советской литературы 1920–1930-х годов. М., 1983. С. 23–159.

Лит.: Лидин В. Народ на войне // Лидин В. Друзья мои книги: Заметки книголюба. М., 1966; Глоцер В. И. К истории книги С. Федорченко «Народ на войне» // Русская лит-ра. 1973. № 1; Трифонов Н. А. [Вступ. статья к книге «Народ на войне»: Кн. 3]. ЛН. Т. 93. М., 1983; Ракицкий Н. П. Воспоминания о С. Федорченко // ЛН. Т. 93. М., 1983.

Т. М. Вахитова

ФЕЛЬЗЕН Юрий (настоящее имя Николай Бернардович Фрейденштейн) [10(22).10.1894, Петербург — 1943, немецкий концлагерь (?)] — прозаик, критик.

Сын известного врача Бернгарда Абрамовича Фридрихштейна (1864–1943). В 1916 окончил юридический ф-т Петербургского ун-та. С окт. 1918 по 1923 вместе с семьей жил в Риге, где отец продолжал врачебную практику, затем — в Берлине, в 1924 обосновался в Париже, где работал банковским служащим. Вошел в ближайшее окружение Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус; в патронированном ими парижском ж. «Новый корабль» (1927. № 1) появилась статья Ф. (подписанная его настоящей фамилией) «**Французская эмиграция и литература**». Настоящим именем либо инициалами (Н. Ф.) подписаны его многочисленные рецензии, напечатанные в 1928 в парижском ж. «Звено». В лит. кругах русского Парижа Ф. считался «общепризнанным арбитром в случае идеологических или личных споров» благодаря своей линии поведения и характеру, в котором преобладали «прямота, откровенность и верность» (Терапиано Ю. Встречи. Нью-Йорк, 1953. С. 130, 131). В 1935 был избран председателем парижского Объединения писателей и поэтов.

Первые рассказы Ф. стали появляться в эмигрантской периодике в конце 1920-х: «**Жертва**» (Звено. 1927. № 5), «**Две судьбы**» (Новый корабль. 1928. № 4), «**Неравенство**» (Числа. 1930. Кн. 1). Хотя сюжетным фоном в них могли выступать недавние события Гражданской войны («Жертва»), основное их содержание сводилось к пристальному аналитическому рассмотрению внутреннего мира героев. Г. В. Адамович отмечал, что в рассказах Ф. «чрезвычайно прихотливый язык» и «почти отсутствует внешнее действие», однако читатель, кото-

рый преодолеет «некоторые препятствия к чтению», будет вознагражден, поскольку у Ф. «каждое слово оправдано, каждое слово что-то вскрывает, в каждой фразе есть внутреннее содержание» (Лит. беседы // Звено. 1928. № 5. С. 248). Адамович указал на отражение в рассказах писательской манеры М. Пруста, который служил для Ф. эталоном совр. лит. мастерства (в «Разрозненных мыслях» он отметил: «Кто-то из французов когда-то сказал: теперь нельзя так писать, словно не было Толстого и Достоевского. В наше время эти слова надо повторить о Марселе Прусте» // Круг: альм. Берлин, [1937]. Кн. 2. С. 129; см. также его статью «О Прусте и Джойсе» // Числа. 1932. Кн. 6). Параллели с этим французским писателем стали общим местом в критических статьях о произведениях Ф., начиная с отзывов о его первом романе «**Обман**» (Париж, 1930).

Подобно Прусту, строившему лирическую эпопею «В поисках утраченного времени» как цикл относительно самостоятельных романов, объединенных персонажами и сквозными сюжетными линиями, Ф. романом «Обман» начал серию своих произведений, рассказывающих о любви героя к героине, Лёле, связанной с ним непрочными, постоянно меняющимися отношениями, чаще всего пренебрегающей его чувством и причиняющей ему множество мучительных переживаний. Вслед за Прустом, уделявшим первостепенное внимание восприятиям и чувствам героя и изображавшим внешний мир сквозь призму субъективного опыта рассказчика, Ф. строит свое повествование как внутренний монолог; событийный ряд в романе — исходный материал для кропотливого психологического самоанализа и попутных развернутых размышлений, зачастую лишь опосредованно связанных с сюжетной канвой. Худож. мир романа Ф., отличающегося аналитическим мастерством и «портретной ясностью» персонажей, П. М. Пильский уподобил «пробковой камере»: «Всё — в себе. Наблюдение направлено внутрь. В центре тихое „я“ — размышление, самораскопки, человек с ланцетом и микроскопом. <...> Больше всего повесть дорожит плавностью. <...> Тут, в этих сторожких наблюдениях за каждым своим движением, неуловимыми изменениями души, таится горькая отрада, но и странность. <...> Волнуют не чувства, а их отражения, не факты и случаи, а их словесное выражение. Все необычно — и в этом интерес книги» (Числа. 1930–1931. Кн. 4. С. 267–269. Подпись: П. П-ий). Другой критик, Г. Д. Хохлов, сочтя в целом «прустианский» эксперимент